

СТЕПАН ЛУКИЯНЧУК

День длиною в 10 лет

РОМАН-МОЗАИКА. ЧАСТЬ 2

Степан Степанович Лукиянчук

День длиною в 10 лет.

Роман-мозаика. Часть 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43619111
ISBN 9785005023360*

Аннотация

По иронии судьбы, только оказавшись в тюрьме, Николай задумывается, для чего человек рождается, каким должен быть настоящий мужчина. И самый главный вопрос, как выжить в тюрьме? Шаг за шагом он учится наблюдательности, сострадательности, проходит суровую школу жестокой действительности. Мечтая о свободе, он страстно её приближает, но... в то же время он её боится, так как поскольку тогда потеряет успех, которого с таким трудом достиг.

Содержание

Часть 2. В ожидании этапа	5
Глава 13. Три заветные буквы	6
Глава 14. «Выгнали» в отпуск	15
Глава 15. Второй отпуск	22
Глава 16. «Визит в спецчасть»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

День длиною в 10 лет Роман-мозаика. Часть 2

**Степан Степанович
Лукиянчук**

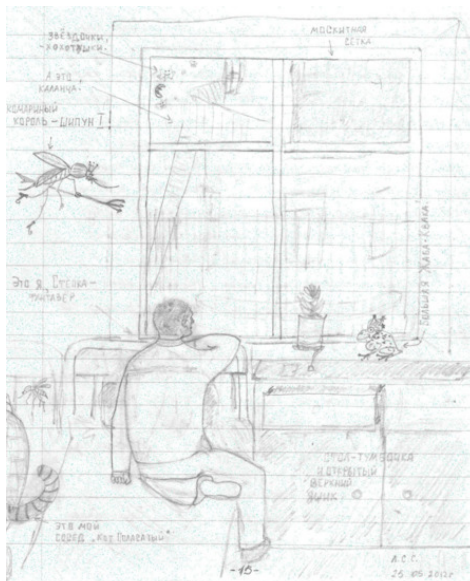
© Степан Степанович Лукиянчук, 2019

ISBN 978-5-0050-2336-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-2337-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 2. В ожидании этапа

Глава 13. Три заветные буквы

В последние недели у меня выдался не простой промежуток времени. Как-то моя душа не может найти покоя, мечется. Конечно, можно предположить, с чем это связано. Одна из них – безусловно, перепутье моей «судьбинушки-кручинушки». Всё как-то ждал этого заветного числа, думал, что когда его преодолею, начнётся какой-то деятельный процесс, что-то сдвинется с мёртвой точки, в которой я «застыл» на года.

Но число отщёлкнуло. После него пробежал почти месяц! А по сути дела воз и ныне там!

УДО. Три заветные буквы. Этот вопрос в нашем учреждении в настоящий момент решается супертяжело. Можно сказать, вообще не решается. Последний массовый «исход» осужденных из этой колонии по УДО происходил ещё в декабре 2006 г. (27 человек за месяц). За январь 2007 года – 17, за февраль – 3, остальные месяцы – 0. С 2007 г. были годы, по итогам которых по УДО не уходило ни одного человека. Более-менее официальное объяснение этому в середине прошлого года предложил инструктор ОВРСО, приехавший из областного центра. Согласно его словам, судьи резко снизили количество положительных вердиктов по УДО «из-за неблагоприятной криминальной обстановки в области» и большого процента «возвращенцев» – осуждённых, совер-

шивших повторные преступления в период условно-досрочного освобождения (и зачастую более тяжких).

Я в этой ситуации легко понимаю позицию обеих сторон (и общество, и заключённых): первые пытаются оградить себя от преступности, вторые пеняют на нормы закона и Конституцию!

Освободиться условно-досрочно из этого учреждения мне вряд ли «светит» даже в том случае, если за меня будет ходатайствовать администрация колонии (районному суду не хочется брать ответственность, пусть даже моральную, и выпустить в район человека, представляющего опасность для общества). Поэтому самый логичный для меня вариант – движение по так называемым «социальным лифтам» (улучшенные условия содержания – колония-поселение – УДО). Думаю, только в этом случае у меня есть реальный шанс «откусить» часть срока. Параллельно с этим я иногда пишу по выходящим поправкам. Результат пока нулевой. Но мне некуда торопиться!

Через 2/3 срока, которые истекают в этом году, реальные шансы на УДО не появятся. Из нашей колонии досрочно отпускают только в гробу (ирония!), хотя по закону мы имеем на это право. Единственное, что реально осуществимо в моём случае по истечении положенного срока – колония-поселение (а там, как Бог даст!). Если не въеду где-нибудь в «косую», то в планах сменить место жительства в начале (середине) следующего года.

Позавчера встретил оперативника нашего отряда Вадима Николаевича Титова. Помимо прочего (подумал, почему бы и нет) спросил, что думает в его лице оперативный отдел о моём возможном УДО? «Оперативный отдел» насупил брови и спросил: «Сколько хочешь оставить?»

– Три с копейками.

– От сколько?

– От десяти.

– А когда «трёшку» разобьёшь?

– В феврале.

– Вот в феврале и напишешь заявление.

И всё! Что тут скажешь?

С образцами характеристик у меня пока «не растёт». Появились некоторые вопросы: имеет ли право наша начальница ОТК писать характеристику? Должен ли её подписывать начальник производственного отдела? Должен ли подписывать зам. нач. колонии – начальник Центра? Кто на ней поставит печать? Что делать, если мне откажут в характеристике? Если подавать характеристику в готовом виде, не заподозрят ли чего? Не появятся вопросы, типа: где взял? кто написал?

Устал. Устал уже обо всём этом думать. И не думать не могу. Стал какой-то беспокойный, безынициативный, бездеятельный.

Погода-то стоит на улице, вы заметили? Утром проснулся, оделся, вышел из отряда – сыро всё! То ли воздух на улице

до такой степени «промокшел», то ли это дождик какой-то прокрапывал – мне показалось, что на моё лицо летели брызги влаги.

Что это творится с природой!? Хотя я, конечно, не воспринимаю это всерьёз. В связи с этим на ум приходит известное, должно быть, всему миру предсказание конца света. Может быть, это предзнаменование последних времён? Шутка ли такое «беснование» природы?! Однако в каждой шутке есть доля правды.

Последние дни была гололедица, скользко. Вчера, например, санитар (осуждённый) из здешней «залечебницы», поскользнувшись, распластался и сломал руку. Удивительно, подобные случаи происходят из года в год! Но складывается такое впечатление, что нашим «хозяевам» – администрации, на которую государство возложило бремя власти казнить и миловать, до этого совершенно дела нет. Естественно, когда их по-настоящему заботит состояние пешеходных дорожек – если на горизонте появляется какая-либо комиссия или проверяющие – не дай Боже кто-нибудь из начальства ушибёт свой копчик. А зек – что! Зек – нелюдь!

Сегодняшний день совсем меня удивил: на улице определённо наступил ранний апрель! Свои валенки-снегоступы я давно заложил за батарею. В последнее время ходил в своих кирзовых «полуботинках»: голенища у сапог прохудились на местах сгиба, и я их отрезал. Сегодня даже они намокли. Пришлось переоблачаться в резиновые сапоги. Хожу по ули-

це – где-то растаяло так, что земля обнажила своё естество. Снег до крайности разрыхлился; покрытые льдом лужи – растаяли. Иду, кручу недоумённо головой, а на меня сверху – чи дождь, чи снег, не пойму. Какие удивительные времена настали, какие перемены в природе происходят на наших глазах. Как здесь не поддаться на модное нынче: «Конец света!»

Сегодня встал по подъёму. Также как и вчера, пошёл «выручать» диски в отдел безопасности. К сожалению моему, там никого не оказалось. Но ДПНК обнадёжил, сказав, что Титов будет утром на планёрке в штабе.

До 8—30 «танцевал» у штаба в надежде на долгожданную встречу с кем-нибудь из безопасности. Не встретил никого. Пошёл вновь на вахту – и надо же! – нос к носу столкнулся с выходящим Семёном Игоревичем. Наш разговор продолжался секунд 10 – не больше! Из разговора я понял, что со вчерашнего дня дело с места не сдвинулось ни на миллиметр. Снова я услышал это многообещающее: «Посмотрю, вызову».

Сразу после дневной поверки я побежал к цензору поинтересоваться на всякий случай, передала ли она диски в отдел безопасности. Уже завидев меня приближающегося, она приоткрыла окошко: «Отдала я твои диски, Титову отдала!» Я был удовлетворён хотя бы тем, что диски не ушли «в сторону моря» (случается и такое!)

На обратном пути мне повстречались «Штепсель и Тара-

пунька». Очень популярные в советские времена украинские комики. У них очень запоминающийся по внешнему виду дуэт: Штепсель был невысокого роста и толстого телосложения, а Тарапунька, наоборот, – длинный под два метра ростом и сухой как соломина! Навстречу мне шли очень высокий и худой ДПНК Травник-старший и низкий и толстый Семён Игоревич. Глядя на них, вышагивающих вместе, мне сразу вспомнились украинские юмористы.

Штепсель меня увидел. У меня была мысль напомнить ему о себе и своих дисках. Однако заглянув в его честные, порядочные глаза, отливающие синевой ясного неба, мне показалось, что он всё помнит. А ещё почему-то подумалось, что этого уважаемого, благородной обломовской толщины человека не стоит раздражать слишком своими мелочными просьбами! Я и не стал. Только молча, опустив голову свою, прошёл мимо. «Мы ещё увидимся с тобой... завтра поутру!» – усмехнулся своей юморной мысли я.

Вчера ходил на приём к общему врачу. Зашёл в кабинет, объяснил ситуацию. Врач ответила, что подобных справок о состоянии здоровья и болезнях на руки не дают. Сказала, что с этим вопросом мне лучше обратиться к начальнице санчасти.

Сегодня записался на приём к начальнице санчасти. Обычно попасть к ней на приём – целая трагическая эпопея! Желаящих лицезреть «царицу медицины» и пообщаться с ней всегда предостаточно. И приём она ведёт один раз

в неделю. На приём к ней я всё-таки попал (поразительно: без затруднений!). «Царица медицины» мне, в принципе, ответила то же, что и «общий» врач вчера: «на руки не даём», «только по запросу суда». Ещё добавила, что, исходя из её обширного опыта, подобная справка при рассмотрении УДО мне не поможет!

Днём наш отряд ходил в магазин. Ходил и я. Спрашивал Лидию Васильевну о справках. Она сказала, что по двум моим заявлениям результаты будут при начислении, а ещё одно – в бухгалтерии. Позвонили в бухгалтерию. Бухгалтерша сказала: «Я не занималась вашим заявлением – у меня много работы!». Напоминаю, что пошла третья неделя с момента подачи мной заявлений!

Подходил к директору ПУ. Он тоже меня «отбрил» (я просил у него характеристику). Он сказал, что такие характеристики на осуждённых они не дают. (Пока мне ещё весело!)

С месяца июля потихоньку начал разводить на своих подоконниках (на работе и в отряде) растительную плантацию. На промке раскопал кучу перегнившего опила, набрал земли, просеял через мелкую сетку. Посадил в коробку на всходы перец: болгарский, стручковой и «Огонёк». Всходы взошли, и я их пересадил в ведёрки из-под майонеза. Пока солнышко было, перцы росли быстро. Солнышко перестало светить, перчики мои сразу погрузнели. Пришёл сегодня на работу, смотрю, перчики даже не улыбаются – заливаются весёлым смехом! Вот оно как солнышко-то на всё живое воз-

действует благоприятно.

Некоторое время назад подходит ко мне в отряде знакомый. Он по характеру такой рыхлый, плаксивый, любит поохать, поохать да попричитать – ну, не мужик сорокалетний, а бабка старая как есть, только в штанах. «Жалко, – говорит, – помидорчики мне, они на грядке растут, но, видно, не успеют уже – морозец утром прихватит, и погибнут помидорчики». Короче, предложил он мне пару кустиков, чтобы я их пересадил в горшки и на окошко. Я согласился. Приготовил горшки, принёс с работы своей волшебной земли, осторожно выкопал помидоры и пересадил. Горшки поставил на подоконник.

Проходит время. Помидорчики вроде оклемались, пообвыклись на новом месте. Так бы всего и ничего, только вот когда солнышко сентябрьское всё реже стало проглядывать сквозь синюшную пасмурную пелену осеннего укороченного дня, потухли взором помидорчики, перестали по утрам свои цвет-глазки открывать. А недавно я вообще увидел, что на подоконнике лепесточки валяются, думал, погибли – ан нет! Появилось солнышко, я заглянул в те места, где цветочки были, а там как будто шарики надуваются зелёные – это маленькие помидорки растут. К Новому году, если всё будет в порядке, буду собирать урожай!

Ещё посадил я в коробку семечко огурца. Если не путаю, сорт «Домовёнок» называется. Сегодня утром, осматривая свои плантации, увидел, что вышел мой огурчик. Но не со-

всем. Стебелёчек вышел, дугой изогнулся – и удивительно! – тянет за собой из земли не росточек, как это было у перца, а само зёрнышко! Если всё будет хорошо, то на моём новогоднем столе появится совсем приличный салат из огурцов, помидоров и перцев! Ах, да не забыть надо ещё луковку посадить, чтобы был полный комплект. Да!.. Мечтать, конечно, не вредно, но всё-таки жаль, что майонез или там сметана на грядках не растут. Я тут же бы пару горшочков и посадил. Представляете, время собирать урожай, а на ветках баночки, пакетики с готовым майонезом или сметаной, молоком пестрят надписями: майонез «Провансаль», «Молоко цельное коровье»... Красота!! Прямо – рви и кушай не отходя.

Глава 14. «Выгнали» в отпуск

Который день подряд моё настроение оставляет желать лучшего. Несмотря на то, что я отбываю наказание в одной из исправительных колоний необъятного Севера России, меня, едва отработавшего год на промышленном предприятии учреждения, выгнали в отпуск.

Дни плелись медленно и тягуче. Отчего-то у меня на душе по-чёрному скребли кошки, в сердце прокралась глубокая печаль. Я безуспешно пытаюсь изгнать её из сердца, но она, похоже, основательно обосновалась там, свив себе уютное гнёздышко из безрадостных мыслей о будущем, укорижны безрассудного прошлого, угнетающей бессмысленности настоящего. С каждым новым днём я чувствовал, как то светлое, что ещё оставалось у меня внутри – внутренний резерв – ежечасно истончается и тает.

Мне казалось, что душевное равновесие не восстанавливается даже ночью. Я ложился в кровать с ощущением беспричинной тревоги и беспокойства, долго лежал с открытыми глазами, тупо высверливая потолок. А когда глаза уставали, я их закрывал. Но сон никак не хотел приходить: воспалившийся, казалось, от мыслей мозг копался в воспоминаниях прошедшего дня, судорожно пытаюсь отыскать причину этих угнетающих тревоги и беспокойства. Предельно измучившись, я проваливался в бессознательное. Утром всё

повторялось сначала.

Дни проходили так: я мог часами напролёт измерять большими шагами локальный участок до тех пор, пока ноги переставали меня слушаться и начинали запинаться друг о друга от усталости. Или, проваливаясь во временную прострацию, я подолгу сидел на своей кровати, устремив бессмысленный взгляд на какую-нибудь точку на противоположной стене. А бывало и так, что весь день я сидел в телевизионной комнате и глядел в «голубой» экран. Я незаметно «отключался», проваливаясь в короткую беспокойную дремоту, затем просыпался и вновь смотрел на экран, не понимая, что показывают по телевизору, силился вникнуть в сюжет очередного «мыльного» сериала, пока сознание не отключилось вновь. Дневные и вечерние поверки, завтрак, обед и ужин – эти события меня никак не трогали, не оставались в памяти – всё происходило как в бреду.

Когда я ещё был на свободе, то совершенно не интересовался вопросом: есть ли у людей, сидящих за колючей проволокой, отпуск, как у всех нормальных людей? Подобного рода глупые вопросы даже не посещали мою голову. Эта тема не интересовала, потому что был абсолютно убеждён: никогда не сидел и не буду сидеть.

Сидят ли здесь невинные? По телевизору однажды видел передачу, в которой приводились данные общей статистики. Если верить ей, то без вины виноватых здесь обитает около 5%. Честно признаюсь, я таких не встречал и не знаю

никого. Да и откуда же мне знать, в душу и совесть к человеку не заглянешь, а так – кого ни спроси между делом – все невинные, кто признается? Об этом могу лишь судить по собственному опыту, что приобрёл на своём тернистом пути.

Человека выдёргивают из привычной обстановки, бросают в камеру. Перед его лицом захлопывается массивная железная дверь, за которой в момент исчезает привычная жизнь, неоконченные дела, неразрешённые заботы. И начинается нечто совершенно новое, неведомое, страшное... День за днём в четырёх стенах, дай Бог ещё в сносных условиях. Ни семьи, ни близких, ни друзей рядом нет, кругом только незнакомые, посторонние, чужие всё люди, у которых свои проблемы, которым до тебя, до твоих чувств и дела нет. Надламывается тут человек, воля ослабляется.

В таком зависшем состоянии попадаешь к следователю, ну, а он уж профессионально подходит к проводимому следственному мероприятию. Кто-то уступает лишь ради того, чтобы всё наконец-то закончилось, кто-то из-за страха, кто-то просто запутался, и нет больше сил сопротивляться.

Не хочу, чтобы сложилось обманчивое впечатление, что сплошь и рядом сидят невинные жертвы произвола карательной машины, запущенной государством против своего народа. Надеюсь, канули в лету лихие времена. Но, к сожалению, наследие прошлого нет-нет напоминает о себе иногда.

Сидя на своей кровати, я лихорадочно пью, обжигаясь, го-

рячий чай. Каждое утро тороплюсь, заваривая чёрную смоль в своей алюминиевой кружке, которую «нежно» называю «мой чифербак». Знаю, что всё равно не успею «по-человечески» посидеть, глотнуть «крепкоганчика», почувствовать, как кровь загуляет по жилам, а сердчишко затрепыхается в своей клетки. Прекрасно знаю, что не успею, но не могу изменить своей многолетней привычке.

Противный резкий звонок застал меня врасплох: глоток чая встал на полпути к горлу. Я чуть не подавился. Где-то в другом конце здания послышался ор дневального: «Давай, выходим строиться на работу! Остальные – на улицу гулять!»

До дна кружки оставалось ещё далеко. Глядя, как на последнем свидании с любимой, на кружку, я, чертыхаясь, задвигаю её на нижнюю полку тумбочки. Конечно, допью чай потом – разогрею и допью – но это уже будет другой чай, несвежий. «Первачок» – это как первый поцелуй, другого такого больше не будет!

– Пойдём, Николаич, потопчем локалку часок-другой, – сосед через проход напротив, Серёга, уже стоял одетый и обутый.

– Ща, только ботинки надену, – кисло ответил я.

Вышли на улицу, где уже было достаточно народа. Люди заполнили локальный участок, ходили из конца в конец, измеряя ограниченное решётками пространство торопливыми шагами. Мы с Сергеем влились в общую массу, то и дело ма-

неврируя между другими заключёнными.

Неожиданно откуда-то сбоку вынырнул «старичок-снеговичок», как иногда называл его про себя небрежно-презрительно я. Это был Володя Кривулин – коллега по работе в ОТК – и получил своё прозвище за сплошную белую седину на голове и пенсионный возраст. «Сейчас опять начнёт со своей любимой присказки...» – подумал я и не ошибся.

– Чем мы тут занимаемся? А?.. что?... не понял?.. – дурашливо произнёс Кривулин. – А-а, мы гуляем! Ну, я так и подумал, хе-хе, -иы-ы!

Кривулин присоединился к нашему дуэту, образовав «трио».

– В отпуске, Николай Николаич? – это была такая глупая манера общения Владимира. Он прекрасно знал, что я в отпуске, но, несмотря на свой солидный уже 60-летний возраст, почему-то любил прикидываться дурачком-простачком, задавать глупые бессмысленные вопросы, непременно вставляя в свою речь дурацкие присказки со смешком. Естественно, что знавшие эту его манеру разговора, ему почти никогда не отвечали. Да похоже Кривулину было всё равно. Намеренно или неумышленно накидывал он на себя эту дурашливость – в этом было сложно однозначно разобраться.

За год своей работы в ОТК я плечом к плечу с этим человеком был пару раз свидетелем, как благодушно-добренькая, глуповато-дурашливая маска «старичка-снеговичка» неожиданно слетала. Тогда Владимир обнажал ядови-

тую, завистливую сущность. Хотя она внешне проявлялась только на краткий миг, на мгновение. Оправившись, Кривулин вновь преображался в «старичка-лесовичка», прятал свой ум за глуповатым видом, а мелочную ядовитую сущность – за благодушными приветливыми фразами.

– Значит, Николай Николаич у нас в отпуске. Гуляет! – «прилип» Кривулин. – Я почему-то так и подумал. А мы вот на работку собираемся, хе-хе-иы-ы!

– И как вам отдыхается? Всё в порядке? – после короткой паузы спросил Кривулин.

– Неплохо, – я неосознанно всегда чувствовал фальшь Кривулина, поэтому стремился при разговоре с ним переключать его внимание на другие вещи. – Как, Владимир Семёныч, дела на работе?

– Что дела на работе... Дела делаются, работа работает, хе-хе-иы-ы! Заходил вот вчера в «красный» цех – ага! – так там...

Владимир Семёныч любил поговорить. На работе трещал без умолку. Перебирал всё что ни попадя, лишь бы не молчать. Причём ему было неважно, слушают его или нет. Я, зная эту его назойливую особенность, давал мысли Владимира Семёныча другое направление (переключал его внимание от себя) и спокойно продолжал заниматься своими делами, изредка подновляя тему, вставляя короткую реплику, тактично кивая головой в ритм его речи.

– Семёныч, на работу опоздаешь, – оборвал я раздухарив-

шегося Кривулина. Тот резко замолчал и перепуганно посмотрел в сторону выхода из локального участка: группа рабобтяг во главе с завхозом уже удалялась оттуда.

– А, ну да, да, да. На работу как на праздник! – выдохнул Кривулин и вприпрыжку пустился догонять уходившую группу мужиков.

– Живой ещё старичок, да?! – нарушил своё молчание Сергей.

– Живее всех живых...

Я подошёл к забору локалки и стал наблюдать, как нестройными рядами к месту развода на работу около вахты потянулись рабочие других отрядов. Целый год практически ежедневно (за редким исключением!) я так же, как они сейчас, уходил с утра на работу. Я так привык к такому распорядку, что теперь, оказавшись не у дел, который день не знал, куда себя девать.

Глава 15. Второй отпуск

В настоящее время нахожусь в отпуске. Тридцать первого числа я должен выйти на работу.

За последнее время это у меня уже второй отпуск. Судя по всему, в бухгалтерии или в отделе кадров, посмотрев моё личное дело, заметили, наконец, что я в позапрошлом году в отпуск не ходил. Спыхватившись, они решили восстановить справедливость. Однако справедливость получается какая-то однобокая: в позапрошлом году я должен был получить «отпускных» больше, чем тысяча рублей (потому что в котельной, где я работал, зарплата была высокая), теперь же я получил около 200 рублей (точно не знаю), потому что зарплата моя в последние месяцы колеблется от 200 до 300 рублей. Такие вот дела!

Как я провожу время в отпуске? В отличие от прошлого, этот отпуск мне нравится гораздо больше. Теперь я живу по времени второй смены. С недавнего времени это значит, что я не хожу на утренние зарядки, не выхожу на 11-часовую поверку (только вечером, потому что в отличие от работников, к этому времени уже ушедших в промзону, остаюсь отдыхать). Зарядки и поверки, проходящие на улице, – самые несчастливые минуты в суточном круге жизни заключённого!

Как-то ещё «отбывая» свой прошлый отпуск, находясь

в пресквернейшем настроении, я написал несколько страниц текста в форме рассказа, но его не закончил (и не хочу больше!). Предполагая в ближайшие недели этап, я избавляюсь от лишних вещей, в том числе и бумаг.

Прочитал «Марфу-Посадницу». После этого возникла мысль, что потомкам никогда не узнать будет, что происходило на самом деле, как в действительности разворачивались события. Думается, что сами современники, очевидцы и участники истории, трактовали её по-своему, каждый со своей точки зрения.

Вы же отчасти знакомы с НЛП? Оно учит, что любое событие, происходящее в мире, в котором мы существуем, само по себе является нейтральным. Эмоциональную окраску, суждение о событии и прочее – это представление для самих себя мы составляем сами и каждый из нас отдельно для себя самого. НЛП учит, что на событие можно взглянуть с разных точек зрения и каждое из этих точек зрения будет по-своему право.

Вот так же, я думаю, происходит и с нашей Историей, так же произошло, полулегендой-полубыльё о Марфе-Посаднице.

Это в нашем современном понимании Новгород – наш! Но, как минимум, пятьсот с лишним лет назад Новгород был независимым государством. Когда-то Украина была тоже наша, а Киев величали «мать городов...» лучше – «колыбелью городов русских!» Теперь это суверенная территория чужо-

го государства!

Это в нашем современном понимании (нас воспитывали в этом духе!) история пошла «по правильному» пути: «хороший» великий князь Московский присоединил (то бишь оккупировал!) мятежный, независимый «плохой» Новгород. А если вдруг оторваться от существующей реальности, реальных фактов истории и допустить вариант хода истории по иному пути?

Если вдруг предположим, что в 1478 году не Иван III одержал окончательную победу и окончательно упразднил новгородское вече, а наоборот Марфа Борецкая одержала победу: а) при помощи польского короля Казимира IV; б) лукаво подчинившись Москве, а затем собравшись с силой, заключив союз с Псковом, Литвой, Польшей и другими врагами Москвы (в том числе и с претендовавшими на великокняжеский престол), разгромив москвитян? В этом случае возникает вопрос: кто при этом раскладе в наши дни считался бы «хорошим», а кто – «плохим»?

Я свою мысль привёл к тому, что пересмотры историй, передёргивание фактов, подлоги и прочее – это было всегда, это бытует в настоящее время и будет до тех пор, пока в этом заинтересованы влиятельные силы.

К примеру: при монархии говорили, что Бог есть, при Советах его всячески отрицали, потому что идея Творца не укладывалась в официальную идеологию; сейчас ещё с большей силой утверждают, что Бог всё-таки существует.

А ещё: то нам говорили, что Красная армия в годы Великой Отечественной войны была армией-освободительницей, теперь же оказывается, что население Западной Украины, Прибалтики русских считает оккупантами!

Что лично меня в этом вопросе беспокоит – как разобраться в этом бесконечном потоке информации, что есть истина, а что – ложь? Есть ли истина вообще?!

Восемнадцатого января получил заказное письмо. Откуда оно и кто отправитель, точно я не знаю (конверт мне не дали посмотреть), хотя примерно по его содержанию догадаться можно. В конверте была папка с вариантом моего ходатайства, распечатанный номер «Паруса надежды», 3 копии грамот (такие у меня уже имеются), распечатки моих статей из «Тюремного вестника», 5 конвертов. В заказном письме также были две коробки с дисками. Но, как и в прошлый раз, цензорша мне их не отдала. Я попросил передать их в отдел безопасности.

Сегодня я пробудился с «подъёмом» (я же живу по времени второй смены). С утра пошёл на вахту в отдел безопасности. Там я встретил Семёна Игоревича, сказал ему, что получил заказным письмом диски, но мне их не отдали, попросил его содействия. Он сказал, что сегодня посмотрит и вызовет меня (ну это как всегда!). Ещё никто не вызывал. Наверное, придётся завтра идти вновь.

После многоразовой «осады» отдела безопасности и тройного «нудения» перед «Громобоем» Титовым В. Н. сегодня

утром меня всё-таки пригласили в этот «опасный безопасный отдел» (провинившиеся зеки боятся этот отдел – порой жёстко воспитывают). Многоуважаемый В. Н. (на самом деле нормальный мужик!) попросил меня написать расписку в получении двух дисков и в отсутствии с моей стороны претензий.

– Не прошло и полгода!

Эти два диска я успел мельком проглядеть. В первом – три фильма, а во втором – моя работа как диктора.

Скоро исполнится три недели, как я отдал 4 заявления: одно в санчасть, другие – в бухгалтерию (необходимые справки для УДО). Похоже, что в санчасть придётся идти самому, напомнить о себе. Из бухгалтерии тоже ответа нет.

Вчера я ходил в магазин. Лидия Васильевна, кассир, увидев меня, подозвала к окошечку и, указывая на какие-то бумаги, сказала, что с моим заявлением проблема (я писал в бухгалтерию 3 заявления: одно из них – на справку о том, что исправно выплачиваю алименты и задолженности не имею). Она подняла все документы по выплатам и обнаружила, что на мне «висит» долг на сумму около 800 рублей.

– Куда тебе бумаги-то?

– В суд.

– Что мне написать, что у тебя долг что ли?

Это для меня была новость! Конечно, я бы непременно погасил бы этот долг, но у меня денег нет! Васильевна говорит: «Давай подождём, в феврале будет начисление, может

быть, погасишь?» С моими-то трясками рублями?! В общем, порешили подождать февраля. А я немного расстроился: неужели опять намеченная дата подачи ходатайства снова откладывается! Может быть, не прикладывать эту справку вовсе?

Глава 16. «Визит в спецчасть»

Вечером на работе. Пару часов назад «друзьям» в Ижевск отправили очередную машину, гружённую деревянными барабанами. Когда я пришёл на смену (в 17—00) машина, как обычно это бывает, ещё не уехала. В последнее время очень много заказов, поэтому рабочие просто не успевают. Некоторые работают с 8—00 утра до 2-х ночи. Естественно, качество тоже страдает, кстати.

Я стоял возле загружающейся машины, когда ко мне подошёл начальник деревообрабатывающего «красного» цеха майор Второв В. Н. и спросил:

– Наверно, тебе надоело работать в ОТК?

Я, признаться, сперва опешил от этих слов (с чего он так вдруг решил?). Потом внутренне напрягся, ожидая какого-нибудь подвоха с его стороны. Голова начала быстро работать, мысли молниеносно проносились в моей голове. Я подумал, что, наверное, что-то произошло, поступили какие-либо серьёзные (именно серьёзные) претензии к качеству продукции. Иначе с чего бы ему вдруг задавать такие вопросы? Ещё и Егор-учётчик «красного цеха» по дороге на работу просил обязательно зайти, посмотреть качество – точно что-то случилось! – уверился я в своей мысли.

Однако ничего серьёзного не случилось. Собственно вообще ничего не произошло. Просто начальник цеха начал

агитировать меня поработать в «красном». В ОТК мне работать не надоело. Эта работа на ближайшие несколько месяцев меня вполне устраивает. Поэтому майор Второв предложил мне параллельно с обязанностями контролёра колотить ещё барабаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.